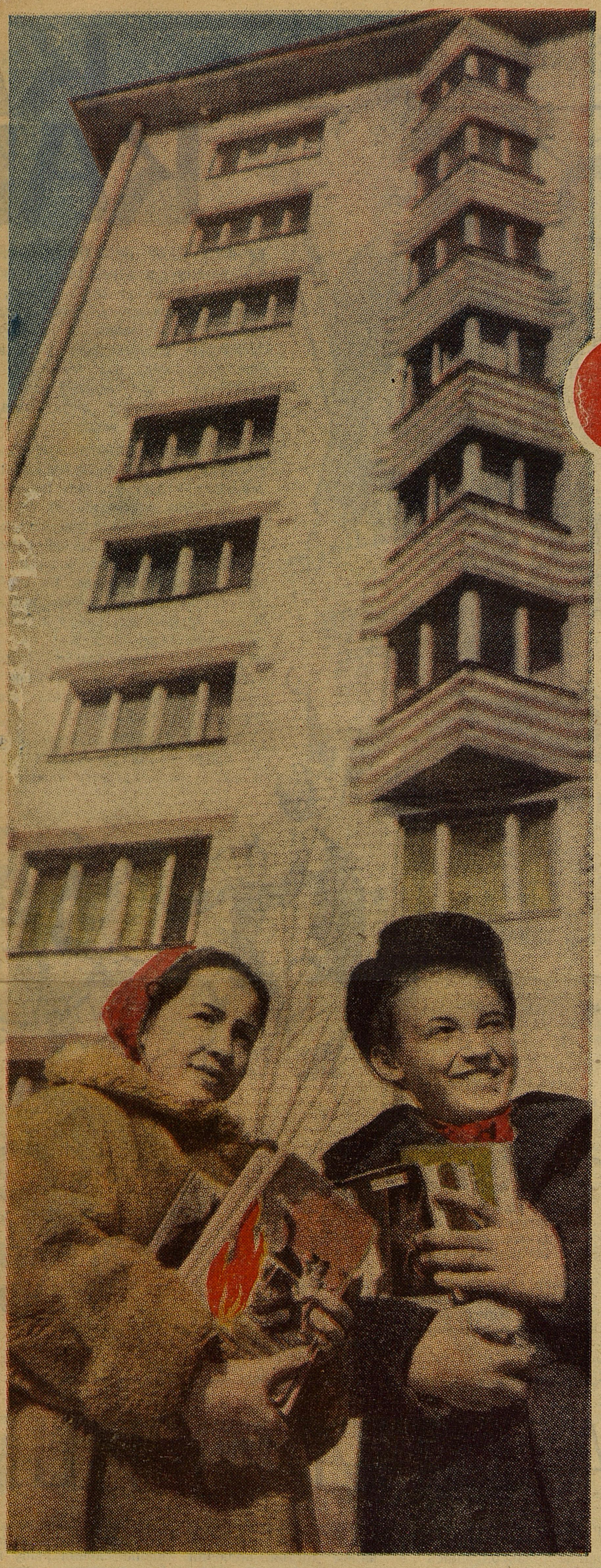
1
Государствен.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

Пионерская ПРАВДА

Орган Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. ЛЕНИНА

Год издания 40-й
№ 25 (4776)
★ Пятница, 27 марта 1964 г. ★
Цена 1 коп.



С. МИХАЛКОВ

СЧАСТЛИВОГО ПУТЕШЕСТВИЯ!

Юные мои друзья, давайте сегодня посмотрим вместе с вами в будущее, лет на 20 вперёд. Тогда вам, нынешним мальчишкам и девчонкам в красных галстуках, будет уже 29, и 30 лет, и даже побольше. И ученица 1-го класса, которая недавно спросила меня, кто выше: дядя Стёпа или самый высотный дом, и она тоже станет совсем взрослой, может быть, сумеет открыть немало тайн природы. Через 20 лет сбудутся ваши мечты, друзья, вы обязательно станете космонавтами, физиками, агрономами, рабочими, артистами. Или, может быть, выберете профессию, которой сейчас ещё и нет вовсе...

Кем бы вы ни стали, ребята, куда бы ни позвали вас пути-дороги, пусть всегда рядом с вами будут любимые книги!

Нет, не лёгким путём приходят к нам любимые книги. В течение всей жизни люди ищут, отбирают самые нужные, самые важные для себя произведения. По ним сверяют свои поступки. А начинается эта сложная работа в детстве.

Огромный, прекрасный мир жизни нашей страны и ваших сверстников открывается в миллионах книг.

Ранней весной все мы, и дети и взрослые, празднуем «книжкины именины». И в этом году, как всегда, праздник «Недели детской книги» открылся в Москве, в Доме Союзов. А в это время во все концы страны—Прибалтику, в Заполярье, в республики Закавказья и на Дальний Восток — уехали детские писатели, чтобы встретиться с вами. Авторы детских книг — самые большие ваши друзья.

Хотелось бы, чтобы вы, ребята, крепко дружили с произведениями наших великих классиков: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Льва Толстого, Горького.

Прочитав их книги, вы почувствуете себя сильнее, сумеете глубже оценить свои поступки и поступки окружающих, ощутите всю прелесть прекрасного русского языка.

Много лет назад я «открыл» для себя Гоголя. Теперь, когда ребята спрашивают о моём любимом произведении, я называю пьесу великого писателя «Ревизор». Очень люблю басни Крылова.

Уверен, что и вы сделаете немало таких открытий на больших книжных перекрёстках, пёстрых от разноцветных обложек. Счастливого путешествия! Будьте не любопытными, а любознательными!

С. МАРШАК,
лауреат Ленинской премии

ИМЕНИННАЯ НЕДЕЛЯ

Длятся только день единый
Именины у людей,
А у книжки именины —
Целых семь весёлых дней.

Именинная неделя
Будет длиться до апреля.
И ребятам всей страны
Передаст привет Весны.

В эти дни, весною ранней,
Поздравлял я их не раз,
Но одно из пожеланий
Повторю я, как наказ:

«Не словами, а на деле
Докажите, что ведёт
Ваша книжная неделя
За собою книжный год!»

МЫ — КНИГОНОШИ!

Высоко в голубое весеннее небо поднимаются этажи новых домов на улице Марии Ульяновой, проспекте Вернадского на Ленинских горах. Сколько здесь подъездов, квартир! И ни одной не пропустили ребята 7-й школы Октябрьского района Москвы. Постучались в каждую дверь:

— Здравствуйте, мы — книгоноши!

Раз в неделю тридцать девять мальчишек и девчонок приносят своим друзьям книги, обменивают их, принимают заказы. Уже более трёх тысяч книг принесли они в свои подшефные дома.

А в ответ в школу летят письма. «Мы очень благодарны пионерам-книгоношам. Из-за болезни мы не можем посещать библиотеку. Хорошее, сердечное дело задумали ребята!» — пишут пенсионеры Дубровина и Александров.

И таких писем-благодарностей десятки. Ребята теперь знают, какое это замечательное слово «книгоноши». Ведь оно несёт людям радость.

НА СНИМКЕ: книгоноши Света Карташева и Саша Рулюк.

Фото В. ГУСЕВА.

Письмо дедушке Корнею

На уроках литературы мы читали Вашу книгу «Серебряный герб». Нам очень полюбился Он, главный герой книги (жаль, что у него нет имени!). Спасибо Вам, Корней Иванович, за интересную книгу, и мы от всего сибирского сердца приглашаем Вас к нам в гости.

Город мы свой любим. У нас в городе есть тайга, кусочек тайги. Взрослые называют это парком. А сколько у нас звёзд! Наши мамы и папы подарили тайге звёзды — электрические лампочки. От нашей школы до плотины — рукой подать, из окна класса можно видеть Братское море.

Эх, если бы можно было послать Вам хотя бы одну гирлянду снежинок! В тайге на деревьях таких гирлянд миллионы! В сильные морозы берёзки кажутся стеклянными, такие берёзки можно только очень осторожно гладить.

Советуем Вам лучше лететь самолётом, только сообщите нам, чтобы мы встретили.

Приезжайте, дорогой Корней Иванович, Вы не пожалеете!

Ждём Вас.

г. Братск, школа № 20, 6-й класс «Б».

КАК ХЛЕБ КАК ЖИЗНЬ

Николай ТИХОНОВ

КНИГУ НАДО ЛЮБИТЬ! И в детском возрасте, и в юности, и в зрёлых годах книга всегда будет другом, помощником, спутником. Даже в самые тяжёлые годы войны в осаждённом Ленинграде, переносившем самые большие испытания, под обстрелом, под бомбёжкой, в дни голодной зимы, среди холода, темноты люди старались уберечь книги, как могли.

Один старый любитель книг, эвакуировав свою семью, должен был перебраться в другой дом, потому что его квартира пострадала от бомбёжки так сильно, что там зимой нельзя было оставаться. Когда стало потеплее, он пошёл за книгами, которые остались в старой квартире. Он особенно любил одну книгу и теперь искал её. В доме недавно был пожар от снаряда, пожарные щедро лили воду на огонь, и в поисках книги хозяин квартиры ступал теперь по толстому слою прозрачного льда, покрывавшего старинный разноцветный паркет.

В шкафах книги не было. И вдруг он увидел её. Она лежала на паркете, и можно было прочесть каждое слово на раскрытой странице сквозь толстый прозрачный лёд.

Книга жила, но читать её можно было только через эту холодную голубую преграду. Это походило на сказку. В комнате сквозь дыры в крыше и пробоины в стенах сияло солнце. Ленинградец читал книгу, став коленями на лёд, и очень волновался. И он сказал себе: «В этом есть мудрость. Сквозь ледяную стену испытаний мы видим книгу нашего будущего, и мы сломаем эту преграду, разобьём её, и мы перевернём страницы книги в день нашей победы».

Когда прошли месяцы очень тяжёлой зимы, через год, Ленинград жил уже уверенной жизнью, хотя блокада продолжалась. В городе все читали много. Окна книжных магазинов освещались керосиновыми лампами, и прибывшие с фронта бойцы и командиры заходили в магазин за книгами. В тёплые дни прямо на улице стояли столики, где продавались книги.

Читали в окопах, на батареях, на кораблях, читали в госпиталях и на аэродромах.

Всякая новая книга, привезённая с Большой земли, как называли всё, что лежало за блокадной чертой, встречалась с жадным интересом.

Пересекая летом залив, вы попадали в старый парковый город Петергоф. Он был до войны всемирно известен своими дворцами и фонтанами. Теперь вы ступали среди развалин, разбитых статуй, сожжённых картин, вокруг были осколки великолепных сервизов, обрывки старинных ковров, лохмотья старых занавесей и гобеленов. Страницы книг, разорванные переплёты валялись среди камней и кирпичей.

И там, где надо было бродить под выстрелами, остерегаясь шального снаряда, я увидел, как боец приводит в порядок книги, которых у него был целый мешок. Мешок лежал на траве, и солдат аккуратно обтирал книги, снимая с них кирпичную пыль. Я спросил, откуда книги и что он с ними будет делать.

Оказывается, один командир стоявшей ранее тут части просил всех, кто найдёт книги, сохранять их. Он приходил за ними с другого участка. Солдаты под огнём спасали книги, не щадя себя. Они спасли тысячи книг. Учебники командир отправлял в школу соседнего городка и в деревни, а книги классиков, советских писателей — в библиотеку своей дивизии.

Бойцы спасали книги, зная, что они спасают от варваров народное богатство. Так и сказал мне солдат. Да, он был прав: книги были народным богатством, памятью народа, его летописью, они были тоже бойцами в этой справедливой войне советского народа против фашистов, хотевших уничтожить всё наше культурное наследие.

Я ушёл тогда из развалин дворцов Петергофа и не мог забыть ни солдат, ни того офицера, который, как и другие книголюбы, так самозабвенно собирал книги и других поднял на это благородное дело.

Теперь у нас мирная, спокойная жизнь. Но пусть же не забудутся те трудные годы, когда среди всех испытаний советский человек спасал книги — народное достояние, народную гордость, потому что он любил книги. Любите книги и вы!

Морская душа

У моряков-нахимовцев большая радость: к ним в гости приехал писатель Леонид Сергеевич Соболев.

Сразу же завязалась дружеская беседа. Леонид Сергеевич тоже с детства полюбил море. Многие ребята читали его «Капитальный ремонт», «Зелёный луч», «Батальон четверых»...

«Батальон четверых»... Это взволнованный рассказ о подвиге моряков-черноморцев в годы войны. Долгое время никто не знал о судьбе тех, кто остался в живых.

Леонид Сергеевич начал поиски. И вот радость! Отозвался один из моряков, второй... нашлись четыре героя! Среди них КОТИКОВ. Притихшие ребята оглядываются на братьев-близнецов Котиковых — Серёжу и Сашу. У мальчиков на лицах — гордость. Ведь рассказ об их отце!

Рассказ за рассказом. И вдруг Леонид Сергеевич предложил:

— Я очень прошу принять меня в вашу дружную семью. Давайте организуем клуб «Морская душа».

— Согласны! — обрадовались ребята.

А потом нахимовцы показали гостю своё училище: классы, кабинеты, Ленинский зал.

— Скоро снова приеду, — сказал на прощание писатель, — хочу написать о вас книгу.

Хороший друг появился у нахимовцев!

В. ПИМЕНОВ, капитан 3-го ранга.

Ленинград

КНИГА О КНИГАХ

...Знаешь ли ты, что киевский князь Ярослав Мудрый создал первое известное русское книгохранилище! В нём были собраны рукописные книги, летописи, важные документы. По количеству произведений киевское собрание не уступало самым крупным библиотекам мира того времени.

...В средние века книги ценились на вес золота. В библиотеках их цепями приковывали к полкам, а на титульных листах книг делали устрашающие надписи.

...В 1714 году Пётр I издал указ об учреждении первой в столице библиотеки, послужившей основой библиотеки Академии наук, насчитывающей теперь 22 миллиона рукописей, книг, брошюр и т. д.

...В СССР сейчас издаётся одна пятая часть всей мировой книжной продукции. Каждую минуту читатели получают более 2 000 экземпляров книг. По числу издаваемых книг Советский Союз занимает первое место в мире.

Учёные подсчитали, что если производство книг во всём мире будет расти так же, как и сейчас, то через 50 лет придётся изготовлять 250 миллионов тонн бумаги. Этим количеством бумаги можно 150 раз опоясать весь земной шар по экватору.

Об этих и других интересных сведениях вы сможете узнать, прочитав научно-популярные очерки Б. Горбачевского «Люди, книги, библиотеки». Недавно книга вышла в издательстве Всесоюзной книжной палаты.

2-ю и 3-ю страницы оформили художники: В. АНДРЕЕВ, В. КОРОЛЬКОВ, Е. ЛИТВИНОВ и Е. МЕДВЕДЕВ

Хорошо ребятам в библиотеке самаркандской школы-интерната № 1! Здесь уютно, тихо и главное — столько книг на полках на русском и узбекском языках, что глаза разбегаются! — Почитай, интересно! — советует Матлюба Аббасова второклассникам Сабиру Джаварову и Рабиму Махмудову.

Сегодня Матлюба дежурит в библиотеке и помогает малышам выбрать книжки.

Фото М. СВИЩЕВА.

ПО ЗАКАЗУ ПИОНЕРОВ

Адрес на конверте был краткий: «Москва. Министерство связи. Товарищу министру». Конечно, для удобства почтальонов надо было указать улицу и номер дома, но так или иначе письмо попало адресату. Ребята из 4-го класса «Б» рижской школы № 1 просили выпустить марку, посвящённую Аркадию Гайдару. Это было в конце января, когда план выпуска юбилейных марок на 1964 год был уже составлен. Но просьба ребят была такой горячей, что отказать было невозможно. Московский художник Е. Д. Анисимин нарисовал несколько эскизов марки. По одному из них, который вы видите внизу, будет отпечатана новая марка.

Хоттабыч-полярник

Мы с ребятами читали правдивые похождения старика Хоттабыча, но расстаться с ним и его юными друзьями не смогли. Мы придумали продолжение: Хоттабыча взяли в полярники. Он сделал на полюсе остров и там, на новой метеостанции «Северный полюс-12», управлял воздушными массами, чтобы на землю выпало больше осадков и не было бы суховеев, заморозков, бурь, града. Очень много хлопот у нашего Хоттабыча. Он стал учёным старцем и изучил в совершенстве 13 наук.

Таня ВОИНОВА.

г. Саратов.

Я смеялся

Когда я был болен, папа купил мне книгу Н. Носова «Фантазёры». Она мне очень понравилась. И голова не так сильно болела. Раньше я трудно переносил уколы, а когда папа читал мне рассказ из книги, я смеялся даже при уколах. Через несколько дней я встал с постели.

Дрогобычская область. **Толя ЛИЛИЕН.**

ВЕЧНО ЖИВОЙ

Как только спадает полуденный жар
И ночь опуститься готова,
Мне кажется, будто Аркадий Гайдар
Проходит по улицам Льгова.

В военной шинели, рюкзак за спиной,
Сильны загорелые руки,
С улыбкою ясной на город родной
Глядит после долгой разлуки.

Минует он скверы, проходит дворы
И городом нашим гордится.
Он слушает смех озорной детворы
И видит весёлые лица.

И взор его радостью, счастьем горит,
И рад он ребяческой прыти,
И к нам обращаясь, Гайдар говорит:
«Товарищи, мир берегите!»

г. Льгов. **Мария ЧЕРНИКОВА.**

Юрий НАГИБИН

ОТКУДА ОНИ ПРИШЛИ?!

МЕНЯ нередко спрашивают, откуда пришли в мои рассказы, посвящённые детям, их юные герои? Созданы фантазией, воображением автора или существовали на самом деле и Серёжа Ракитин из «Чистых прудов», и цыганёнок Коля из «Трубки», и Савушкин из «Зимнего дуба», и крошечный Комаров из одноимённого рассказа? Если ответить коротко, то все они пришли из жизни, я их не придумывал. Но путь на страницы рассказов у каждого маленького героя был свой, особый. Серёжа Ракитин — это в значительной мере я сам; цикл рассказов «Чистые пруды» автобиографичен. История же цыганёнка Коли, изложенная в рассказе «Трубка», — это подлинное детство бывшего таборного цыгана, а ныне актёра и драматурга театра «Ромэн» Николая Нагорного.

Более сложным путём появились Савушкин и Комаров. Расскажу сначала о первом.

В начале пятидесятых годов я жил неподалёку от Старой Рузы. Кончался февраль и, как нередко бывает в феврале, мягкая зима вдруг озлилась. Мороз не особо палил, но что ни день, мела метель, нередко переходившая в буран. А затем вдруг таяло, всё вокруг намокало, текло и вновь сковывалось морозом, посыпалось сухим снегом, стеклянело сосульками. Но какая бы ни стояла погода — ветер, метель, буран или гнилая оттепель, — к одноэтажному кирпичному зданию школы, стоявшему на шоссе Дорохово — Новая Руза, стекались по утрам и в одиночку, и струйками со всей округи дети. С трогательным чувством наблюдал я ушанки и платочки, картузы и шапочки, капоры и башлыки, то и дело возникавшие с двух сторон шоссе.

Однажды, возвращаясь в дом творчества после такой вот прогулки, я услышал, как судомойка корила своего лопоухого, задумчивого, очень симпатичного сына:

— Опять ты в школу опаздываешь, горе моё?

— А я и сам не пойму, чего опаздываю, — растерянно отозвался тот. — Я ведь короткой дорогой хожу, через лес.

Я хорошо знал эту дорогу через лес. Она вилась по-над ручьём, где замёрзшим а где живым от тёплых ключей. Она петляла среди заснеженных, сказочно прекрасных елей и огибала огромный, искрящийся, сверкающий под солнечными лучами старый раскидистый дуб. В складках его коры перемогало зиму множество мелких лесных существ, а у подножия спал, завернувшись в палые листья, колючий ёжик. Мне показалось, что я понял, почему мальчик опаздывает в школу, и легко, как-то сам собой написался рассказ.

Савушкин постоянно опаздывает в школу, что больно ранит молодую сельскую учительницу Анну Васильевну. Учительница решила объясниться с его матерью — нянечкой из санатория, вдовой солдата.

После занятий учительница и ученик отправляются через лес в санаторий. И тут с Анной Васильевной происходит то же, что и с Савушкиным: заворожённая красотой зимнего леса, мощью и белизной зимнего дуба, она опаздывает на встречу с матерью ученика. И тогда Анна Васильевна понимает, что виноват не только Савушкин, но и она сама. Ведь она преподаёт русский язык, родную речь, то, без чего человек «нем перед миром, бессилен в чувстве». Если бы она сумела сделать свои уроки столь же нужными Савушкину, как природа, как зимний лес, он не стал бы опаздывать в школу.

А вот появлению рассказа «Комаров» я помог сам. Я жил на Карельском перешейке, ловил рыбу в озёрах, собирал грибы-моховики и писал рассказы.

Как-то раз за моей спиной скрипучий женский голос неустанно призывал к порядку некоего Комарова. То и дело слышалось: «Комаров, перестань! Комаров, веди себя прилично!»

Я обернулся и увидел четырёхлетнего человечка, совершенно голого, если не считать белой панамки, лихо нахлобученной на одно ухо. Это и был Комаров.

Я не знал тогда, что в детских садах к детям принято обращаться не по имени, а по фамилии. Это меня настолько потрясло, что я подумал: обязательно напишу рассказ о четырёхлетних Комаровых.

И вот однажды, отправляясь на пляж, я услышал голос, показавшийся мне знакомым:

— Станьте в круг, дети!.. Спиридонова, делай: р-раз!..

За штакетником мелькали детские фигурки. Я не успел сообразить, что это мои знакомцы, как одна из планок штакетника скользнула в сторону, в щель просунулась загорелая, исцарапанная травой нога в сандалии и сатиновые трусики с вышитой красными нитками надписью: «Комаров». Но щель оказалась узка, и, поёрзав в ней, нога скрылась. И тут я подумал: пусть мальчишка совершит побег, какова покажется ему воля и как сам он поведёт себя на воле? Я подошёл к штакетнику и быстро проделал в нём щель, достаточную для того, чтобы Комаров мог пролезть. Так началось едва ли не самое увлекательное путешествие в моей жизни, хотя было оно совсем коротеньким: от детского сада до бугра, откуда открывается море, и встретились нам с Комаровым по пути лишь крапива да кусты, большие камни-валуны да сосновые шишки, лягушка да телёнок.

Ко времени, когда Комарова настигла облава, был готов рассказ об этом смелом, находчивом и любознательном человечке.

Подобным историям не было числа.

З. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ПРЕКРАСНЫЕ КНИГИ

Из книги «Сердце матери»

ТАРАХТИТ старая швейная машинка, тонкие пальцы умело направляют под стальную лапку куски материи.

За стуком машинки Мария Александровна не слышала, как в комнату вошёл Митя, остановился за спиной матери, в смущении накручивает на палец кудрявый вихор, не решается прервать её работу. Ждёт, пока мама сама его заметит.

— Ты что, Митенька? — оглянулась Мария Александровна и, увидев огорчённое лицо сына, забеспокоилась: — Случилось что-нибудь? Двойку получил?

— Нет, мамочка, я ничего плохого не сделал. — Митя смотрит прямо в глаза матери. — Но тебя вызывает директор гимназии, сказал, чтобы ты пришла к нему тотчас.

Мать пригладила рукой кудри сына:

— Не беспокойся. Я тебе верю. Иди обедай, а я пойду к директору.

Директор Соколов, видно, ждал её.

— Госпожа Ульянова, — начал он торжественно, — мы, то есть дирекция Самарской мужской гимназии, учителя и классные наставники, прилагаем всё наше усердие, чтобы оградить вас от новых бедствий.

Мария Александровна внимательно слушала.

— Нам известно, что ваш старший сын Александр...

— Речь, по-видимому, идёт о моём младшем сыне, — перебила его Мария Александровна и чуть приметным движением оттянула воротник от горла.

— Да-да, речь идёт о Дмитрии Ульянове, ученике 5-го класса. Но я хочу сказать, что ваш второй сын, Владимир, тоже не отличался образцовым поведением. Нам известно о его участии в студенческих беспорядках в Казани. Ваша старшая дочь Анна находится под гласным полицейским наблюдением и отбывает под Самарой ссылку. Неужели вам мало страданий от старших детей, чтобы пускать и третьего вашего сына по весьма опасному пути?

— Я вас не понимаю, господин директор, — снова прервала его Мария Александровна. — Митя плохо ведёт себя? Ленится?

— Это было бы поправимо. Дело гораздо хуже, — продолжал директор.

— Но что же случилось, господин директор?

Соколов выдвинул ящик стола, вынул большую книгу в сером переплёте, тиснённом золотыми колосьями, и Мария Александровна узнала том сочинений Помяловского.

— Эта книга из нашей домашней библиотеки, — всё ещё недоумевая, заметила мать.

— Вот именно, — словно обрадовался директор, — эту книгу изъял из стола вашего сына наш классный наставник господин Кочкин. Весьма опытный педагог, должен заметить, пекущийся о нравственности своих воспитанников.

Мария Александровна поняла истинную цель регулярных посещений их дома Кочкиным: за её пятнадцатилетним сыном тоже велась слежка.

— Известно ли вам, сударыня, что сочинения господина Помяловского признаны весьма вредными для юного возраста? Это запрещённая книга, — подчеркнул директор и протянул её матери.

Мария Александровна раскрыла том, прищурила глаза и прочитала первые строчки на первой странице: «Знаете ли вы, что значит честно мыслить?»

— Что-что? — переспросил директор.

Мать закрыла книгу:

— Я прочитала первые слова в этой книге.

Директор снял пенсне и пронзительно посмотрел на Марию Александровну. Её лицо было спокойно и непроницаемо.

— Я настоятельно прошу вас, сударыня, чтобы вы просмотрели вашу домашнюю библиотеку, изъяли из неё вредные книги, оградили бы ваших детей от пагубного влияния запрещённой литературы. Вы образованная женщина и мать, и вы должны позаботиться о том, чтобы ваши дети читали полезные книги.

— Хорошо, господин директор, я просмотрю библиотеку и позабочусь о том, чтобы мои дети читали действительно прекрасные книги, — сказала Мария Александровна, вставая.

Директор проводил мать недобрым взглядом, водрузил на нос пенсне и, обмакнув перо в чернильницу, стал писать донесение попечителю Казанского учебного округа.

«...инспектор усмотрел на столе том сочинений Помяловского, признанных вредными для юношеского возраста и запрещённых. Это сочинение было взято из домашней библиотеки...

По поводу этого случая я беседовал с матерью о вреде книг отрицательного направления для юношеского возраста и просил её закрыть своему сыну доступ в домашнюю библиотеку...»

Дома Мария Александровна ещё раз раскрыла книгу Помяловского.

— Знаете ли вы, что значит честно мыслить? — прошептала она и подошла к книжному шкафу. На полках аккуратными рядами стояли книги, и из них выглядывали синие, красные, белые закладки.

Вынула наугад книгу Чернышевского, по закладке раскрыла её. Наверно, отчеркнул Володя... Рахметов...

«Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней — теин в чаю, букет в благородном вине; от них её сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли».

Мария Александровна поставила книгу на место. Вот книга с закладкой Саши. Это он делал такие красивые закладки. Рылеев. «Иван Сусанин».

Мать перебирает книги Писарева, Добролюбова, Пушкина, Некрасова... Во всех закладки её детей. Аккуратно поставила книги на место, прикрыла дверцу шкафа.

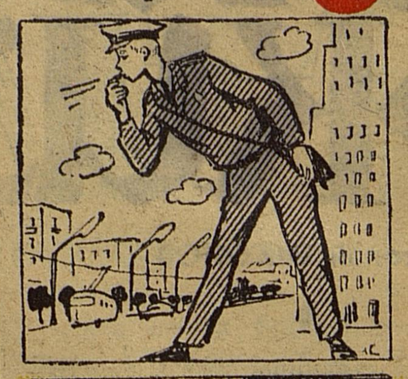
В дверях стоял Митя и вопросительно смотрел на неё:

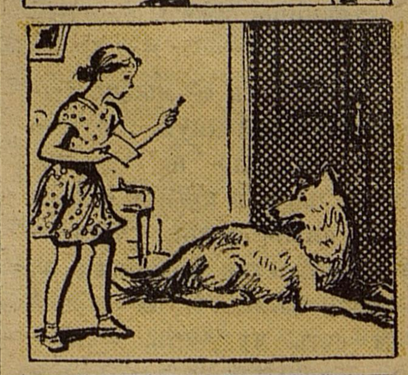
— Мамочка, о чём говорил с тобой директор?

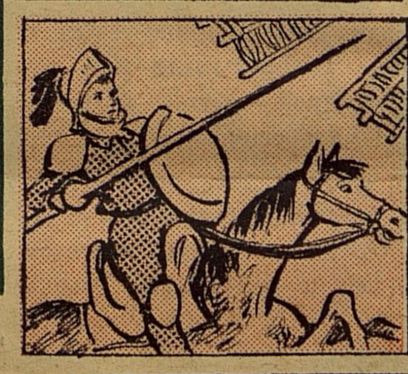
Мать привлекла к себе сына:

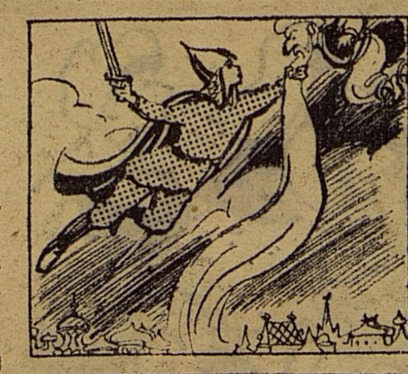
— Он говорил о том, чтобы ты читал только прекрасные книги, и я обещала ему позаботиться об этом. Здесь, — показала она на книжный шкаф, — все книги прекрасны.

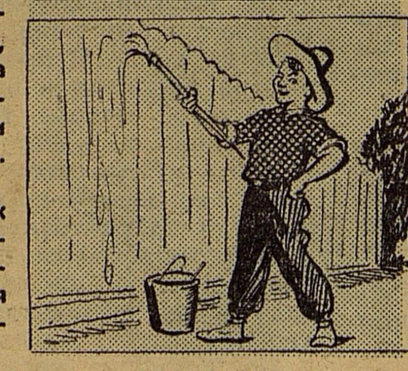
Какие книги прочитали эти ребята?











ДВЕСТИ ВОЛШЕБНИКОВ

— МНЕ поинтереснее. С картинками...

Сколько раз ты просил об этом библиотекаря и продавца книжного магазина! А получив книгу, торопился посмотреть рисунки. И только после этого решал: интересная. И чем больше иллюстраций было в книге, тем лучше казалась она.

Сколько людей читали гайдаровский рассказ «Чук и Гек»! Тысяча! Миллион! Наверняка больше. И для каждого Чук и Гек стали добрыми знакомыми.

Я узнал их сразу. Они сидели на узлах и чемоданах, сваленных прямо в снег, под указателем «Кипяток» и озадаченные смотрели на незнакомую козу. Под рисунком стояла подпись: «Иллюстрации к рассказу А. Гайдара «Чук и Гек». Художник Д. Дубинский».

Это было на Всесоюзной художественной выставке 1950 года. А через год герои Дубинского заняли своё законное место в книжке. И с тех пор не покидают его. Уже несколько раз переиздавалась чудесная книга «Чук и Гек». Большим и маленьким форматом, с цветной и чёрно-белой обложкой. Одно оставалось неизменным — иллюстрации Д. Дубинского.

Читатели полюбили его героев. Никто не говорил: «Как похожи!» Все утверждали: «Это они!» Так имя художника стало рядом с именем писателя. Гек любил петь. Мы смотрели на рисунок и видели, что пел он сосредоточенно, исподлобья смотрел на слушателей. И папа улыбался при этом. Папа был молодым, хотя и с бородой. Об этом Гайдар не писал. Но он знал об этом. И художник досказал то, о чём писатель знал, но почему-то не рассказал. Так книжка стала гораздо больше. Её герои ожили, словно по мановению волшебной палочки, как оживают персонажи в десятках, сотнях других книжек.

В этом году издательство «Детская литература» выпускает 646 книг. И ни одна не выйдет без яркой, интересной обложки, без рисунков на своих страницах. А рисунков в каждой книжке бывает по 20—25. В некоторых же — и по 150. Посчитайте: сколько надо потратить бумаги и красок, времени и сил, чтобы всё это сделать! Один художник, конечно, не справится. Их в издательстве — двести человек.

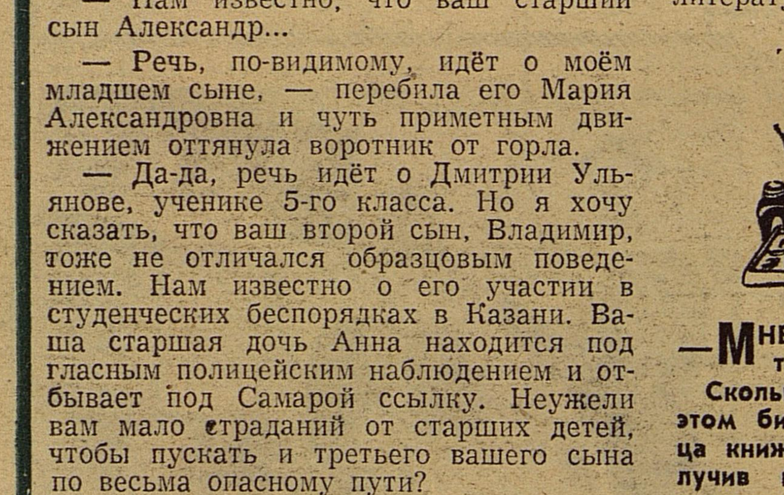
Целый день я просидел в кабинете главного художника издательства Б. А. Дехтерева. К нему заходили молодые и пожилые люди. Они приносили большие папки и вынимали из них маленькие рисунки.

Рисунки были яркие и красивые. Прямо ставь в книгу! Но оказывалось, что ставить некоторые из них ещё рано.

Иллюстрация к книге — дело нелёгкое. Самое меньшее три месяца упорной работы уходит на то, чтобы оформить даже самую маленькую книжку. Иногда это время растягивается на много лет. Так народный художник СССР Е. Кибрик потратил пять лет, чтобы оформить трагедию А. Пушкина «Борис Годунов». Десятки, сотни вариантов создал художник, прежде чем остановиться на том, о котором вы скажете: именно таким я представлял себе Бориса Годунова.

В. Фаворский, Д. Шмаринов, В. Лебедев, В. Конашевич, Д. Дубинский, Е. Рачев — эти имена ты узнаёшь вместе с именами писателей. Это они учат тебя видеть красивое. Они приносят тебе радость, подсказывают, как надо читать. Рисунки в книге — твоя первая «третьяковская галерея», которая сопровождает тебя повсюду.

Н. ЕРЕМЧЕНКО.



Семьи-враги: Монтекки и Капулетти. Это одна из иллюстраций к трагедии В. Шекспира «Ромео и Джульетта», за которые художник Д. Шмаринов получил Диплом I степени.

Рис. Л. СМЕХОВА.

А — 05106. АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, А-30, Сущёвская, 21. Телефон для справок: Д 1-15-00, доб. 2-38. Индекс 50101 Типография «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Зак. 626. || Редактор Н. М. ЧЕРНОВА. ||